

И. А. КРАСНОВА

ВОСПРИЯТИЕ НОСИТЕЛЕЙ ЛОКАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ГОРОДСКОМ ОБЩЕСТВЕ ФЛОРЕНЦИИ XIV–XV вв. РЕАЛЬНОСТЬ И ИДЕАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В статье прослеживается эволюция представлений о должности иноземного правителя от образа главной властной структуры в коммуне Флоренции до функционера, избранного управлять городами, крепостями, приходами в контадо; предпринимается попытка воспроизведения культурной рефлексии о подеста в хрониках, новеллах, биографиях, семейных книгах.

Ключевые слова: *подеста, Флорентийская коммуна, территориальное государство, управление контадо, образ власти, идеал правителя.*

С начала XIII в. должность выборного чужеземного исполнителя – Подеста – приобретала особую значимость в итальянских городах-коммунах по мере усложнения стратификации городского общества и его дифференциации по партийному признаку. Осознанию роли и исследованию властных полномочий иноземных правителей в Италии был посвящен масштабный проект Французской школы в Риме «Подеста коммунальной Италии», который охватил период с конца XII до середины XIV в. и завершился фундаментальным двухтомным изданием¹. Правление чужеземных администраторов в нем рассматривалось, прежде всего, с институциональной точки зрения: механизмы и критерии избрания иноземных правителей, область властных прерогатив, структура аппарата подеста².

В статье внимание обращено на менее исследованный социально-ментальный контекст и культурные рефлексии представителей городского социума, связанные с должностью иноземного правителя и теми трансформациями, которые она претерпевала со второй половины XIV в.

В XIII – первой половине XIV в. подеста в большей степени ассоциировался с чужеземным правителем, избираемым во Флоренцию сроком на один год, затем (с 1290 г.) на один семестр. Он воспринимался в качестве носителя высшей исполнительной власти. О значимости фигуры подеста свидетельствовало распространение двух культурных прак-

¹ I podestà, 2000; *Селунская*. 2003. С. 61–63. Н.А. Селунская, предлагая авторскую периодизацию истории итальянских коммун, выделяет первую половину XIII в. как особый этап правления подеста.

² Zorzi. 2000. С. 454.

тик. Первая была связана с тем, что требовалось решение главной проблемы, вызванной отсутствием публичных документов и адекватных нормативно-законодательных установлений – культурной адаптации должности чужеземного ректора, отливки его статуса в соответствующие нравственно-этические и ритуально-символические формы, выражающие конструктивное соотношение между единоличной властью и формирующимся коммунальным законодательством, в рамках которого подеста был обязан действовать. Ответом на этот запрос стал особый род политико-дидактических трактатов, условно названных современными исследователями «учебниками подеста»³. Они представляли подробные инструкции для избранного на пост чужеземного ректора, фиксирующие порядок избраний и реквизиты, которыми он должен был обладать. В качестве архетипа приводят трактат «*Liber de regimine civitatum*» (ок. 1240 г.), приписываемый Джованни да Витербо и размноженный во многих компиляциях⁴. В качестве обязательных качеств подеста указывались знатность и могущество персоны, добрая репутация, опытность в управлении городами, поэтому минимальный возраст избрания определялся в 25, затем – в 30 лет⁵. Во Флоренции сокращенной и систематизированной компиляцией инструкции Джованни да Витербо стала девятая книга сочинения флорентийского нотариуса Брунетто Латини «Сокровище», озаглавленная «Об управлении городами» (*Dou government des cites*)⁶.

Сфера властных функций подеста до первой четверти XIV в. отличалась широтой и неопределенностью: он представлял коммунальную автономию города, являлся высшим судебным арбитром над партиями, политическими фракциями и отдельными родами-консортериями, стре-

³ Условное название для указанного жанра, данное современными исследователями (*Sapegno*. 1982. P. 951–952).

⁴ Giovanni da Viterbo. 1901. P. 215–280. Глава называлась «*Qualis rector querendus sit civitati et eligendus in potestatem*». Об атрибуции «Книги» см.: *Sestan*. 1989. P. 62. Nota 17. Трактат, видимо, был составлен во Флоренции, когда автор выполнял обязанности одного из судей в сопровождении подеста. Автор приводит образцы эпистол с приглашениями на должность, ответов на них, формулы клятв, перечислял пороки и доблести правителя, обозначал наиболее важные задачи, основываясь на аргументации Цицерона, Юстиниана, Сенеки, а также средневековых текстов, особенно на трактате Иннокентия III «О презрении к миру».

⁵ См.: *Artifoni*. 1986. P. 470. Большую роль играл фактор происхождения ректора из союзного города гвельфско-анжуйской ориентации. См.: *Zorzi*. 2000. P. 572.

⁶ *Latini*. 1948. Брунетто Латини, нотариус, ритор и философ, написал «Сокровище» между 1262 и 1264 гг., находясь в добровольном изгнании во Франции, чем объясняется тот факт, что трактат был составлен на французском языке. См. о нем: *Villani F.* 1826. P. 30. Подробнее о подеста в 9-й главе труда Брунетто Латини см.: *Краснова*. 2011. С. 290–292.

мощимся утвердить свой авторитет и преобладать в управленческих структурах, осуществляя функцию политической координации действий правительства. Подеста командовали войсками, председательствовали на коммунальных Советах, исполняли судебные и полицейские полномочия, наблюдали за общественными работами⁷.

Трансформация власти чужеземных правителей происходила в процессе формирования структур (1282), составивших автономное пополанское правительство Флоренции. Управленческая стратегия пополанских режимов была направлена на ослабление централизации власти в руках иноземных должностных лиц посредством разветвления полномочий и прав юрисдикции среди многих лиц, обладающих специфическими компетенциями: с 1250 г. появился Капитан народа, как защитник интересов пополанских слоев, затем, с 1307 г. – Экзекутор справедливости, контролирующий строгое соблюдение Установлений справедливости; военные функции передавались специально избираемым капитанам войны⁸. Коммунальное законодательство 1323–1325 гг. четко очертило и тем самым редуцировало круг обязанностей, сводя его почти исключительно к гражданской юстиции и поддержанию общественного порядка. Ревизия коммунальных статут в 1415 г., окончательно конкретизировала и сузила сферу функций подеста⁹. Так по мере усиления Приората во главе с Гонфалоньером справедливости иноземные ректоры утрачивали значение центров равновесия всей политической системы коммуны и роль беспристрастных посредников в социальных конфликтах.

В практике раннего историописания, начиная с XIII в., установка коллективного сознания, фиксирующая образ чужеземного ректора, как главного властного лица в городе, выражалась в разметке текущего времени периодами правления в городе того или иного подеста¹⁰. Со второй половины XIV в., когда функции главной власти перешли к выборной Синьории как основному коммунальному правительству, авторы хроник и дневников маркировали временные отрезки не именами подеста, но списками очередного состава приората во главе с Гонфалоньером справедливости, которые в их глазах воплощали главных носителей власти¹¹.

⁷ *Artifoni*. 1986. P. 467–468.

⁸ *Zorzi*. 2000. P. 456, 459–460, 574.

⁹ *Zorzi*. 1988. P. 485–486.

¹⁰ *Виллани*. 1997. V. 22. С. 122; 26. С. 123; 30–31. С. 125; Виллани, начиная с 1207 г., именно подеста указывал как основных носителей власти в городе, как и Доменико Ленци (*Lenzi*. 1978. P. 174, 179, 185, 195, 219, 232, 255).

¹¹ *Stefani*. 1903–1913. Rubr. 157, 68, 693, 724. Маркьонне ди Коппо Стефани в «Хронике», составленной, во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XIV в., начи-

Во второй половине XIII – первой половине XIV в. флорентийские граждане в свою очередь исполняли функции подеста, капитанов народа и других иноземных должностных лиц в городах, находящихся за пределами Флоренции. Исследуя фигуры флорентийских граждан, которых призывали исполнять должности в крупные и значимые центры Тосканы, а также в города за ее пределами, Серджо Раведжи сконструировал своего рода их коллективный портрет. Прежде всего, они являлись представителями нобилитета, ибо по традиции Подеста должен был обязательно происходить из знатного и древнего рода, члены которого уже ангажировались на этот пост и достойно себя зарекомендовали. Фамилии Росси¹², Адимари, Буондельмонти, Капонсакки, Уберти, Гвиди, Сколари, Торнаквинчи, Делла Тоза, Донати – представители феодальной по происхождению, но урбанизированной знати, а также выходцы из возвысившихся в конце XIII в. купеческих родов, постоянно встречались в листах назначений в престижные для флорентийских ректоров центры – Геную, Болонью, Падую, Брешию, Феррару, Парму, Бергамо, Перуджу, Орвьето, Кремону, Губбио¹³. Выбор Подеста той или иной коммуной в значительной степени определялся знатностью, древностью и славой рода. Призываемые на пост должны были являться рыцарями, имеющими военный опыт и способными предводительствовать городским ополчением.

В хрониках, мемуарах, новеллах сложился миф о великодушном, справедливом и щедром правителе, персонифицируемый в образе флорентийского рыцаря Манно Донати. Историк Джованни Кавальканти прославлял «выдающегося рыцаря Манно Донати», как образец бескорыстия и чести за его непоколебимую верность синьору Падуи¹⁴. Кавальканти утверждал, что даже на своей гробнице в Падуе Манно был

ная с 1282 г., помещал довольно точные списки избираемого раз в два месяца состава приората, тогда как более ранние хронисты не приводили их вообще. Эту практику организации материала хроник использовали и последующие хронисты до конца первой трети XV века.

¹² *Raveggi*. 2000. P. 623. Именно Росси из сестьеры Ольтарно за 100 лет имели в активе 109 избраний.

¹³ *Виллани*. 1997. IV. 10–13. С. 85–87. С. Раведжи утверждал, что иноземные ректоры рекрутировались из представителей консульской знати и городского патрициата в XIII в. (*Raveggi*. 2000. P. 599, 613.).

¹⁴ *Cavalcanti*. 1973. P. 210–211. Синьор Падуи поручил ему воевать за веронских Делла Скала, своих союзников. Мастино делла Скала, «будучи господином сознательным и благодарным», захотел презентовать мессеру Манно сумку, набитую флоринами. «Наш рыцарь поблагодарил его словами, полными признательности, и сказал: “Синьор, я не хочу задеть твою честь, хотя меня поражает, что ты пытаешься поступить... против величия и достоинства моего синьора, который в состоянии заплатить мне сполна без твоих денег”».

изображен с лопнувшим мешком под ногами, откуда с каждой стороны высыпались золотые флорины¹⁵. Подобный образец верного и бескорыстного служения, навеянный ностальгией о рыцарских ценностях, содержала биография, которую Лоренцо Строцци посвятил своему родственнику Нанни Строцци¹⁶.

Для нескольких десятков флорентийских нобилей карьера подеста до середины XIV в. позволяла добиться значительного политического престижа, открывала путь к доходам относительно высоким, но несравнимым с прибылями купца и банкира, давала возможность создать сеть социальных связей высокого уровня, полезных и для коммуны Флоренции. В глазах сограждан профессиональный ректор, часто избираемый за пределами города, пользовался авторитетом и мог действовать в пользу своего отечества¹⁷. Ситуация с восприятием образа чужеземного правителя начала меняться во второй половине XIV в. под воздействием двух объективных процессов. Во-первых, по мере усиления коммунальных структур власти, наблюдалось медленное, но неуклонное падение статуса чужеземных должностных лиц, по-прежнему призываемых в город. Во-вторых, шел постепенный процесс превращения города-коммуны в территориальное государство: расширялась площадь флорентийского доминиона в ходе интенсивной экспансии Флоренции в города, крепости и приходы контадо, включения в орбиту своего влияния новых тосканских земель¹⁸. Особенно плодотворным для республики стал сорокалетний период с момента овладения Ареццо (1384) до покорения Ливорно (1421): в этом промежутке коммуна фактически подчинила своей юрисдикции Сиену (1386), за 1,5 млн. золотых флоринов купила Пизу вместе с Порто Пизано (1406), приобретя конфигурацию, почти целиком сохранившуюся до середины XVI в. Территориальное приращение (только присоединенная территория Пизы вместе с контадо составила ¼ часть земель флорентийского доминиона) обострило проблему управления новыми землями: замещения нескольких десятков должностей сразу, подавления мятежей, трансформации традиций коммунальной автоно-

¹⁵ *Cavalcanti*. 1973. P. 211. Манно Донати был гранд, сделавший блестящую военную карьеру и обладающий высоким общественным статусом согласно хронике Маттео Виллани (*Villani M.* 1826. VII. 72; XI. 97). Он служил падуанскому синьору Каррара до самой смерти и умер в Падуе. Местные хроники одобрительно отзывались о его деятельности. См: *Brucker*. 1962. P. 156.

¹⁶ *Strozzi*. 1892. P. 53–54.

¹⁷ *Raveggi*. 2000. P. 643: «их политическая активность была ключом, прищипываемая желанием сделаться подобием автократов».

¹⁸ *Luzzatti*. 1986. P. 172–173.

мии, живучих в сознании населения покоренных земель, видевших во флорентийских правителях своих поработителей¹⁹. Маленькие города, замки и сельские приходы в расширяющемся контадо Флоренции полностью подчинялись флорентийским властям, что обозначалось в официальных документах эвфемизмом «покровительство» (*custodia*).

Под давлением указанных процессов происходила смена образов власти главного чужеземного ректора – Подеста. К стереотипу подеста, который был призван извне, чтобы управлять Флоренцией, сознание флорентийских граждан со второй половины XIV в. обращалось, главным образом, во время социально-политических смут, когда усиливалась нужда в карателе, отправляющем сограждан на плаху. В периоды относительной стабильности фигуры иноземных ректоров, властные функции которых сокращались, не привлекали особого внимания флорентийцев и не появлялись на страницах их хроник, семейных книг, писем. Прежний образ знатного гранда из древнего и славного рода, или же обладающего высокой репутацией купца, которого призывали в другие города, уходил на задний план, уступая место иному действующему лицу.

По мере расширения доминиона подвластные Флоренции крепости, города и приходы лишались права выбирать и призывать чужеземных должностных лиц по своему волеизъявлению. Эти посты распределялись в земли доминиона Флорентийской республикой. Хотя формирующийся олигархический слой граждан удерживал контроль над замещением *estrinseci* – «внешних» постов за пределами городских стен, ситуация требовала более широкого доступа к ним представителей незнатных и не знаковых фамилий, а также членов младших цехов. Эти проблемы затрагивались Лаурой Де Анджелис применительно ко второй половине XIV – первой четверти XV в.: ею рассматривается состав корпуса флорентийских функционеров в контадо, их социально-профессиональные характеристики, связь с правящим слоем формирующегося патрициата, противоречивость их позиции между интересами Флоренции и персональными целями в отношении подчиненных коммун²⁰.

В качестве «нового функционера» можно привести Грегорио Дати (1362–1435)²¹, который многого добился в повышении собственного социального-политического и культурного статуса, происходя из незнатной

¹⁹ *De Angelis*. 2009. P. 49. Помимо Пизы в первой четверти XV в. в состав Флоренции вошли Кортгона, Сан Сеполькро, Поппи и почти весь Казентино, а включение Арещо и Пизы позволило снизить налоговое бремя в самой Флоренции, перенеся его частично на население подчиненных городов.

²⁰ *De Angelis*. 2009. С. 49.

²¹ См.: *Краснова*. 2007. С. 524–525.

семьи мелких торговцев рыбой. Ему только один раз в жизни довелось находиться на высшем посту гонфалоньера справедливости во Флоренции (1429). Но он постоянно избирался, помимо мелких постов в городе, на должности в контадо: Дати служил инспектором по сбору габеллы в Пизе, являлся одним из пяти смотрителей контадо, был подеста в Париджи Корбинелли и Монтале²². У французского историка А. Монти имелись основания характеризовать его «как посредственного политика, не достигшего в государственной деятельности карьеры сколько-нибудь серьезного масштаба»²³. Но и выдающийся гражданин Флоренции Якопо Сальвиати²⁴, блестящий дипломат и военный, чаще подвизался на должностях за пределами коммуны, чем на высших постах в самой Флоренции. Он был одним из Капитанов над войсками республики при осаде Пизы (1405); подеста в Монтепульчано (1400), викарием в Вальдиниеволе (1401), в Ангиари (1402), капитаном народа в Пистойе (1406), в Альпийской Фиренцуоле (1407), в Арещо (1409, 1410); капитаном цитадели Пизы (1411). Этот перечень, как и получение почестей и высоких оценок от Коммуны и граждан, свидетельствует об испытанных качествах администратора. Якопо Сальвиати даже умер, находясь на посту комиссара в Пьомбино (1412)²⁵. Можно предположить, что «внешние» должности становились неотъемлемой частью всякой почетной политической карьеры, чередуясь с постами внутри коммуны. Такая ситуация объяснялась, помимо острой нужды в должностных лицах для контадо, и тем, что «младшие посты» в меньшей степени подвергались ограничениям – «запретам» (*divieti*), нежели высшие должности²⁶.

Граждане часто высказывали отрицательно по поводу своего избрания на внешние посты в контадо. Упомянутый Грегорио Дати восторгался своим вступлением на «старшие» должности во Флоренции. Например, по поводу избрания его приором он писал: «Теперь я мог гарантировать других, я был удовлетворен каждым соглашением и до-

²² *Dati*. 1869. P. 79, 94–95, 97–98.

²³ *Monti*. 1983. P. 751.

²⁴ *Hurubis*. 1985. P. 23–27. Род Сальвиати составители его генеалогий в XV–XVI вв. относили к знатному фьезоланскому дому гибеллинов Капонсакки. Эрудиты XVII–XVIII вв. считали эту версию легендой, предположив, что основателем фамилии был некто Готтфредо (судя по имени – ломбардец или саксонец), появившийся в городе во второй половине XII века.

²⁵ *Ibid.* 1985. P. 40–41.

²⁶ *Gualtieri*. 2009. С. 186–188. «Запреты» – своего рода «мораторий» для лица, занимавшего один из высших постов, прежде чем вновь оказаться избранным на такую же должность или равнозначную ей по масштабу. «Запрет» на высшие городские должности составлял до 5 лет, на низшие посты в контадо – не превышал 6 месяцев.

говором, и мне кажется, что я заслужил большую благодарность»²⁷. Но о своем назначении на пост подеста в Корбинелли, он высказался так: «Должность эта оказалась слишком хлопотной. И хотя я имел большие заслуги перед Господом, сделав много добрых дел для бедных крестьян, после ее исполнения, я испытывал ненависть к миру»²⁸. Второе избрание на должность подеста в Монтале было принято лишь потому, что надо было выезжать из города вместе с семьей из-за очередной вспышки чумы²⁹. Когда Бонакcorso ди Нери Питти (1354–1430) в 1413 г. избрали подеста в приход Санто Стефано, он «мечтал... отказаться от этой должности» и подал соответствующее прошение в Синьорию, поскольку его шансы на избрание гонфалоньером справедливости в то время были очень высоки. Его петицию отклонили: «И пришлось мне отправиться в эту подестерию, где я провел время в болезнях и неприятностях». Но Питти удалось уклониться от должности подеста в Ливорно «из-за свирепствующей там чумы», и наличия привилегии, освобождающей от 25 флоринов штрафа за отказ от поста³⁰.

Недовольство службой в контадо выражал и Джованни Морелли, охваченный глубокой рефлексией из-за того, что он сам и члены его семьи, не оцененные по заслугам, занимали в коммуне не те посты, которых были достойны. Он с горечью писал о мытарствах своего деда Бартоломео Морелли, сын которого «совсем не видел отца в детстве», потому что коммуна постоянно посылала Бартоломео служить в контадо. Будучи бальи в Муджелло, Бартоломео Морелли «имел большие неприятности от некоей необычной женщины, такой здоровой, грубой и жестокой, каких нигде никому не доводилось видеть. Она набросилась на Бартоломео с побоями, а он пришел в такую ярость, что схватил ее руками так, что причинил ей смерть». В этом месте у автора прорвалась затаенная обида: «Бартоломео был достоин большего, поскольку всегда отличался целеустремленностью, и даже находясь среди грандов и послов, сумел бы добиться почета для себя и своих детей. Вот почему... дед, войдя в возраст, не желал больше озабочивать себя участием в управлении и из-за соображений экономии, и из-за случаев, подобных вышеописанному»³¹. Стремление Джованни подчеркнуть, что предки вынуждены были отказаться от публичной деятельности, не желая об-

²⁷ *Dati*. 1869. P. 71–72.

²⁸ *Ibid.* P. 94.

²⁹ *Ibid.* P. 106–108.

³⁰ *Pummu*. 1972. С. 139–140; 176.

³¹ *Morelli*. 1956. 40b. P. 144. Лицо при исполнении служебных обязанностей во Флоренции пользовалось статусом неприкосновенности.

ременять себя второстепенными должностями, докучливыми, малооплачиваемыми и не прибавляющими особого авторитета в обществе, могло быть мотивировано его собственной отстраненностью от участия в политической жизни после 1393 г., когда фамилии Морелли пришлось испытать негативное влияние тесных связей с опальным родом Альберти. Итак, можно заключить, что часто младшие должности оценивались негативно, причем не только лицами, переживающими политический упадок, но и вполне успешными гражданами.

Насколько правомерен будет такой вывод? Действительно, жалование, предусмотренное для исполнения функций управления в подвластных местах доминиона, было невелико. Подеста, обязанный содержать лошадь и одного булавоносца, получал в XIV в. всего лишь 200 лир в семестр³². Исследования Л. Де Анджелис показывают, что со второй половины XIV в., по мере возрастания важности «внешних» постов для республики, усиливается их дифференциация, включая и размеры жалованья из коммунальной казны³³. Этим средств хватало для удовлетворения насущных потребностей ректора и его свиты за время исполнения обязанностей, но они не компенсировали убытков, которые нес горожанин, длительный срок оставляющий торгово-банковские дела и боттеги. Отсюда возник мотив «соображений экономии», вплетающийся в сетования Джованни Морелли. Само исполнение должности в течение шести месяцев требовало дополнительных расходов: избранные были обязаны предоставить в казну коммуны денежный залог, обеспеченный определенным числом поручителей, за свой счет приобрести оружие, упряжь, снаряжение, обеспечить полугодовое обитание в чужом месте запасом продовольствия, собственной мебелью и предметами домашнего обихода, оплатив транспортные расходы на их перевозку³⁴. Администратор в дистретто своего города не получал в вознаграждение земельных владений, особых прав, льгот и привилегий, доли военной добычи, которые ранее часто предоставлялись в награду за доблестную службу подеста и капитанам в крупных городах за пределами Флоренции и Тосканы.

³² *Raveggi*. 2000. P. 605.

³³ *De Angelis*. 2009. P. 53–54. Например, капитан охраны Пистойи – должность, считающаяся «подестерией первой степени» – в 1424 г. получал в семестр зарплату для себя и всей своей фамилии в 3000 лир, из них платя судье-юриконсульту, нотарию-компаньону, еще двум нотариам, четырем оруженосцам, двум трубачам, 25-ти булавоносцам и обеспечивая содержание шести лошадей. Но подеста Капрезе (подестерия 3-й степени) получал за шесть месяцев 400 лир с фамилией, состоящей из одного нотариуса, трех сопровождающих и одной лошади.

³⁴ *De Angelis*. P. 54.

Посты в контадо не всегда способствовали приобретению символического капитала. В XIII – первой четверти XIV в. наблюдался постоянный рост числа лиц свиты, которую подеста должны были приводить с собой³⁵. Горожанин, избранный куда-нибудь в селение контадо, часто довольствовался одним судьей и одним булавоносцем. Но и с подобной свитой могли возникнуть большие затруднения из-за отсутствия материальных стимулов. Донато Веллутти описал ситуацию, относящуюся к 1338 или 1339 г., когда один из троюродных братьев его отца «должен был пойти ректором в Колле и взять с собой одного судью, но «никого из судей он не смог заполучить»³⁶. Очевидно, практикующие во Флоренции судьи и нотариусы не очень хотели занять на полгода непрестижную должность за ничтожное жалованье, которое мог бы им выделить ректор Колле из 200-400 лир платы за должность. Донато Веллутти в это время находился дома, готовясь к экзамену по курсу гражданского права, поскольку Болонский университет, где он учился, был закрыт в связи с папским интердиктом 1338 г. Он вспоминал: «Пьеро Веллутти... настойчиво меня упрасивал, чтобы я послужил ему хотя бы 15 дней или месяц, дабы он мог найти судью, пока я исполняю службу»³⁷. Как видно, избранному на пост ректора в маленькое селение пришлось, за неимением более квалифицированного судьи, «упрашивать» своего родственника, не получившего степени лиценциата и не являющегося членом цеха судей и нотариусов. Донато объяснял свое согласие возможностью прохождения судебной практики, не упоминая о жаловании, но констатируя несомненную пользу от службы судьей в Колле, которая «не была слишком обременительной, и поэтому я мог учиться», а также «многим тамошним нотариусам, хорошо понимающим, я читал Статут (“Институции” Юстиниана)». Он так хорошо зарекомендовал себя, что через месяц после возвращения был принят в корпорацию судей и нотариусов во Флоренции³⁸. Эпизоды, когда не находилось желающих составить «фамилию» ректоров в земли контадо, а избранные на посты подеста и капитанов один за другим отказывались от должности, невзирая

³⁵ Zorzi. 2000. P. 465–466. Дзорци приводил динамику роста свиты ректора во Флоренции: трое судей, два рыцаря и четыре нотариуса следовали за миланцем Рубаконте в 1237 и в 1238 гг. Но флорентийские Статуты 1325 г. предусматривали, чтобы за подеста следовали 11 судей (трое из них – доктора), 30 нотариусов, три кавалера, 12 оруженосцев, 60 булавоносцев и 18 лошадей. В 1344 г. его должны были сопровождать уже 33 нотариуса. Возрастание продолжалось непрерывно, в реальности удвоив число лиц свиты подеста менее чем за 50 лет.

³⁶ Velluti. 1914. P. 158.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid. P. 159.

на угрозу высокого штрафа, Раведжи иронически определил как «синдром Монтеветтолини», когда в 1340 г. отказались от подестерии над этой маленькой крепостью один за другим семь человек³⁹.

Положение часто не спасали даже рыцарские шпоры, которые комуна жаловала многим из тех, кого отправляла на официальные должности в контадо. Эрудит XVI века Винченцо Боргини указывал, что в этих случаях производили в рыцарское достоинство «для придания веса именам и полномочиям тех, кого делали Судьями и Кавалерами», о чем «так чувствительно сожалел Франко Саккетти в одной из своих новелл»⁴⁰. Саккетти, составившего сборник новелл около 1392 г.⁴¹, занимал сюжет о девальвации самих понятий знатность и рыцарская честь, апробированный в различных новеллах о «народных рыцарях», в качестве которых часто фигурировали подеста и коменданты: некий ремесленник-башмачник, который «ввиду своего намерения сделаться кастеляном (комендантом)», тотчас отправился в мастерскую самого Джотто, чтобы заказать рыцарский герб; бедный нобиль, «благородный только по общераспространенному неправильному словоупотреблению», который промышлял бродяжничеством и воровством в округе Флоренции. Рефлексия о подлинной знатности и рыцарской чести выражалась Саккетти непосредственно: «Во Флоренции к стыду и позору дворянского звания, которое, как я вижу, низводится до конюшни и свинарника... какой-нибудь судья, чтобы стать Подеста, превращается в дворянина... бывает и хуже, когда нотариусы становятся дворянами... и пенал превращается в золотые ножны... О, несчастное рыцарство, ты пошло ко дну!»⁴².

Итак, должности ректоров в контадо вряд ли можно считать высокооплачиваемыми, не все посты являлись престижными и могли бы спо-

³⁹ *Raveggi*. 2000. P. 606.

⁴⁰ *Borghini*. 1974. Note 24–26. P. 57–59.

⁴¹ *Саккетти*. 1962. О новеллах Саккетти как ценном источнике упоминала современная исследовательница И. Гальярди, черпая из них аргументы при изучении символов и коннотаций рыцарских ритуалов и церемоний (*Gagliardi*. 2009. P. 173). Франко Кардини отмечал две рыцарских парадигмы в коммунальном обществе: с одной стороны, «старые магнаты», носители идеала «аристократического кавалера». С другой – рыцари из «новых богачей», «парвеню» с деньгами и властью, для которых афиширование рыцарского достоинства было «выражением... защиты привилегий, дающих доступ к власти...» (*Cardini*. 2005. P. 522–525).

⁴² *Саккетти*. 1962. Нов. 153, 63, 64. 150. В 64-й новелле появляется образ суконщика Аньоло ди сер Герардо, которого собственная жена называет «беспутным стариком» за его желание участвовать в турнире. В 150-й некий рыцарь из рода Барди, «очень маленького роста... не только не обращавшийся к оружию, но и не ездивший верхом», будучи подеста в Падуе, заказал наשלменник с медведем, но оценивал рыцарскую честь в золотых флоринах.

собствовать достижению высокой репутации в обществе. Подеста, капитаны и коменданты крепостей имели четко определенный коммунальными статутами круг обязанностей, сводимых к повседневной рутине: поддержка общественного порядка, исполнение судебных полномочий по гражданским и мелким уголовным делам (преступников более крупного масштаба следовало отправлять для суда во Флоренцию), председательство в советах локальных коммун. При этом они должны были строго следовать предписаниям Синьории, не считавшейся с традициями, обычаями и законами подчиненных городов. Служба в контадо могла доставить значительные трудности, если подестерии располагались у границ государства, и управлять приходилось в состоянии постоянных военных мобилизаций и пограничных споров, выливавшихся в вооруженные конфликты⁴³, не говоря о том, что ситуация резко обострялась в периоды войн. Территория контадо, являясь местом политической ссылки, также требовала пристального надзора со стороны представителей правительства республики. Изгнанникам оказывали поддержку местные синьоры, признающие власть коммуны, но стремящиеся расширить свои права и привилегии за счет смены правящего режима⁴⁴.

Однако поведенческие практики флорентийцев, занимавших указанные посты, позволяют заключить, что отношение к должностям в контадо не всегда было пренебрежительным, поскольку открывало для предприимчивых граждан значительные возможности, которыми они стремились воспользоваться. Со второй половины XIV в. и особенно в XV в. осуждения власти флорентийских должностных лиц, разоряющих контадо, становятся непреходящей темой. На совете коммуны 10 декабря 1411 г. Ридольфо Перуцци заявил, что «много говорится о принятии мер против наших граждан, которые занимают должности во владениях Флоренции, и вымогают деньги с жителей... а люди тяжело страдают из-за должностных лиц, попирающих честь Коммуны и города, и причиняющих вред нашим подданным». 16 июля 1414 г. Джованни ди Андреа Минирбетти предлагал издать такой закон, «чтобы наших подданных в контадо перестали грабить», и найти эффективный способ наказания и устранения нарушителей. Антонио Алессандри сетовал 15 июня 1417 г. на то, что жители контадо не платят налоги, потому что их имущество

⁴³ *Raveggi*. 2000. P. 605.

⁴⁴ *Stefani*. 1903–1913. Rubr. 727. Стефани указывал, что в 1371 г. в контадо Флоренции находилось много изгнанников, и поэтому избрали 4-х барджелло с чрезвычайными полномочиями, постоянно находящихся в контадо, которым разрешалось приезжать во Флоренцию только на три дня в месяц. «И они сожгли в контадо много домов и осудили многих граждан, которые предоставляли приют изгнанникам».

истребляется... правителями, вымогающими с них деньги: «Не устранять таких правителей – значит поощрять злых людей, и содействовать росту неправедных богачей. ...Мы должны найти способ выбирать честных людей, которые будут беречь наших людей и их имущество...». Марсилио ди Ванни Веккетти тогда же утверждал, что селяне убегают с территории Флоренции ежедневно и в бесчисленном количестве: «Это результат действия многих должностных лиц, неспособных управлять, из-за каковых «контадини» вынуждены нести тяжелое бремя»⁴⁵. Семейные книги флорентийских граждан подтверждали факт разорения контадо «дурным правлением» флорентийских ректоров. Джованни Морелли с беспокойством писал в 90-е годы XIV в., в разгар войны с Джангалеаццо Висконти: «Наше внутреннее положение достаточно усугублено... потому, что сильно раздражено контадо, крестьяне разорены и пребывают в страхе, и нет среди них мужика, который бы не мечтал тотчас пойти поджечь Флоренцию»⁴⁶. Этот мотив замечен в новеллах Саккетти⁴⁷.

В семейных книгах, дневниках и мемориях флорентийцы, назначаемые на должности в контадо, не позиционировали себя коррупционерами, мошенниками и ворами. Однако в случае с Бонаккорсо ди Нери Питти скандальные ситуации, складывающиеся вокруг исполнения им функций ректора в контадо, наводят на определенные предположения.

Управляя крепостью Барга (1402), во время войны Флоренции с Миланом, Бонаккорсо ди Нери конфисковал 11 мулов и 22 тюка английской шерсти под предлогом, что тот, кто вез ее, находился на службе у герцога Джан Галеаццо Висконти. Он получил письменный приказ флорентийской Синьории о немедленной передаче конфиската комиссару Лукки, официально требующей возвращения товара, принадлежащего ее подданным. Но Бонаккорсо не исполнил распоряжения, считая, что

⁴⁵ Записи протоколов речей граждан на советах и совещаниях (Pratica) опубликованы в сб. The Society. 1971. P. 131–132. О разорении хозяйств мелких арендаторов и земледельцев и их бегстве за пределы флорентийского государства из-за злоупотреблений и коррупции ректоров см.: *De Angelis*. 2009. P. 60.

⁴⁶ *Morelli*. 1956. 81b. P. 395–397. М. Луццатти полагал, что Джованни Морелли излишне драматизировал ситуацию: контадо в целом выступало против Висконти (*Luzzatti*. 1986. P. 169). О разорении и бегстве арендаторов писал хронист Кавальканти (*Cavalcanti*. 1838. P. 93–94). Об этом же см.: *Jones*. 1979. P. 110–111.

⁴⁷ *Sacchetti*. 1962. Нов. 108, 146, 165, 202, 204. В уста нобиля Аццо дельи Убертини новеллист вложил осуждение флорентийских ректоров: «Подданные предпочли бы быть в аду скорее под властью дьявола, чем под властью тех, кто так долго тянут их дела; ведь они теряют на это столько времени, не говоря уже о трудах и убытках, пока не дождутся конца какой-нибудь своей тяжбы» (Нов. 204). Грабительской политикой коммуны жители контадо оправдывали собственное мошенничество (Нов. 146).

эта шерсть – законная добыча тех, кто, «повинуясь разумному приказу, производил захват». И только после письма с угрозой тяжкого наказания⁴⁸ он вернул тюки уполномоченному Синьории. В 1409 г., вступив в должность капитана охраны Пизы, Питти ввязался в новое «злополучное дело»: он предпринял попытку захватить церковный бенефиций для своего племянника на том основании, что магистр госпиталя Альтопашо разорил и распродал это владение. На самом деле Бонаккорсо рассчитывал на поддержку тогдашнего легата в Болонье, кардинала Балтассаре Косса, который сначала посулил ему решить вопрос при папском дворе⁴⁹, а затем отказался от своего обещания, настроенный, по мнению Питти, его личными недоброжелателями⁵⁰. Несмотря на эти обстоятельства, а также противодействие влиятельных Никколо д'Уццано, Бартоломео Валори и Джино Каппони, он все же не отказался от этого дела, «поелику мне казалось, что я не смог бы с честью от него отступить... и я продолжал свое дело с величайшими расходами»⁵¹. Если в первом случае в Барге Бонаккорсо прикрывал свой отказ вернуть конфискованную у купцов союзного Флоренции города шерсть «благородным» намерением распределить ее между участниками захвата, произведенного по его единоличному приказу, то в только что описанной ситуации он даже не камуфлировал намерения присвоить бенефиций госпиталя Альтопашо посредством покровительства со стороны папского легата.

Грозные письма коммунальные власти направляли и другим официальным лицам, посланным вершить суд и закон на местах⁵². Одно из них (1418 г.) было адресовано флорентийскому гражданину, исполняющему обязанности подеста в Пизе, который совместно со своим компаньоном скупил всю поставку неуродившегося в тот год льна, монополизировав розничную продажу льна по таким ценам, «что много бедных людей даже небольшого количества льна не могли получить для своих нужд». Ради спекуляции подеста злоупотребил своим служебным положением, чтобы устранять конкурентов, как следовало из письма Синьории: «Вы также

⁴⁸ *Pitmi*. 1972. С. 100-101.

⁴⁹ Пизанским собором был избран папа Александр V (1409–1410). См.: *Pitmi*. 1972. Прим. 103. С. 229.

⁵⁰ Питти неоднократно упоминал об этом в своей хронике, связывая с личной неприязнью к собственной персоне со стороны заправил олигархического режима Флоренции первой трети XV в. свои жизненные неудачи (*Pitmi*. 1972. С. 113–114).

⁵¹ Там же. Причиной упорства Бонаккорсо в борьбе за это землевладение являлась его высокая доходность: оно располагалось на паломническом пути в Рим.

⁵² *Pitmi*. 1972. С. 169–170. Бонаккорсо часто не подчинялся указаниям флорентийской Синьории и приводил в своей хронике тексты адресованных ему коммунальной грозных писем с предупреждениями о штрафах в 1000 флоринов и изгнании.

арестовали некоторых из них (пизанских купцов, желающих купить крупные партии льна – *И.К.*) и осудили, чтобы не позволить им покупать. ... Эти методы ужасны, гнусны и достойны порицания. Они противоречат намерениям Синьории и наших граждан и бесчестят вас лично. Мы посылаем правителей... чтобы поддерживать законность среди наших подданных, сохраняя мир и единство, а не подвергать их жестокости и вымогательству под прикрытием занимаемых должностей и званий, лишая возможности иметь предметы первой необходимости. Нас глубоко удивляет ваше поведение, и мы огорчены, так как не думали, что вы способны на такие вещи. Теперь мы предписываем... вам воздержаться в будущем от подобного угнетения... вести себя так, чтобы мы больше не слышали подобных жалоб о вас, и подчиняться нам таким образом, чтобы ваше повиновение было достойно одобрения...»⁵³.

Посты в контадо могли стать привлекательными, если открывали возможность получения дополнительных источников дохода помимо умеренного жалования из кассы коммуны. Размерам платы за исполнение должности явно не соответствовала неумная энергия Питти, словно бы вырывающаяся на простор в контадо: он раскрывал заговоры⁵⁴, изобличал миланских шпионов⁵⁵, конфисковывал имущество и отправлял на плаху подвластных ему селян⁵⁶. Бонакcorso Питти дважды избирали на высшую должность гонфалоньера справедливости во Флоренции⁵⁷, что он без особого внимания зафиксировал в своей хронике всего двумя формальными фразами. Его большой интерес к «внешним» постам был, разумеется, обусловлен материальными стимулами. Штрафы и конфискации, налагаемые местной властью, предполагали на законных основаниях отчисление определенной части суммы в пользу подес-

⁵³ Текст письма на латыни опубликован в сб. *The Society*. 1971. P. 132–133. Мотив коррупции ректоров в контадо замечен в некоторых новеллах Саккетти, который сам исполнял обязанности подеста в Биббиене (1385) и Сан Миньято (1392) и приводил пример, как некий охотник пытался подкупить его зайцем. Из морали новеллы следовало сетование по поводу того, сколь часто ректоры «теряют честь, имеющую вечное существование», ради малости, удовлетворяющей минутное желание (*Саккетти*. 1962. Нов. 77).

⁵⁴ *Питти*. 1972. С. 177. Получив в 1423 г. пост капитана в местечке Кастрокаро, он раскрыл там, якобы, гибеллинский заговор в пользу герцога Миланского Филиппо Мария Висконти. В результате пятерым подозреваемым Питти приказал отрубить головы.

⁵⁵ Там же. С. 103. В Барге он ухитрился раскрыть шпионский заговор, и по подозрению приказал отрубить одному из жителей голову, а его отца выслал и конфисковал имущество семьи.

⁵⁶ Там же. С. 177.

⁵⁷ В 1416 г.: Там же. С. 145; в 1422 г.: С. 174.

та как судебного исполнителя коммуны⁵⁸, что отчасти объясняет неумеренный энтузиазм Питти в отправлении гражданского правосудия. Наиболее прибыльным делом было раскрытие политических заговоров, за которое коммуна Флоренция могла щедро вознаградить⁵⁹, что делает понятной бдительность Бонаккорсо Питти в исполнении этих функций.

Но «внешние» должности могли предоставить возможность реализации свойственных гражданам Флоренции властных амбиций, которые было сложно воплотить в жизнь в коммунальных органах, даже пребывая на «внутренних», «старших» должностях в Синьории, срок которых исчерпывался всего двумя-тремя месяцами. Флорентийские структуры имели коллегиальный характер, снимая груз индивидуальной ответственности за принятие решений, но с другой стороны, неизбежно нивелируя и усредняя личность, вынужденную подчиняться мнению большинства. В «Хронике» Питти подробные экспрессивные описания исполнения служебных обязанностей в контадо, позволявших развернуться его властным устремлениям, наполнены эмоциональным накалом и желанием противопоставить свою личность государству. Шансы реализации хотя бы в незначительной степени возможности единоличного управления в контадо развязывали индивидуальную инициативу. Бонаккорсо выступил с авантюристическим проектом включения Лукки в состав подвластных Флоренции земель путем «восстания» против Синьора Луки... и захвата ряда замков, «с которыми у меня уже была договоренность». Понимая, что республика не может открыто выступить против Лукки, ее союзницы в войне против Милана, он предложил, чтобы ему тайно передали плату за 50 лошадей и 200 лучников, «а я подниму Баргу... устрою восстание и буду действовать... якобы умирняя их (мятежников), а на самом деле поддерживая». А для пушего правдоподобия он советовал коммуне отправить его потом в изгнание, а жену и детей заключить в тюрьму. Синь-

⁵⁸ *De Angelis*. 2009. P. 54–55. Анализируя бухгалтерские книги семьи дель Бене, в частности, образцово-педантичные регистрации доходов и расходов Франческо ди Якопо дель Бене, Де Анджелис показывает, что подестерия в Прато (1359) дала ему ничтожную прибыль, тогда как внешние должности (1373 и 1381) принесли соответственно 1021 и 1609 лир чистого дохода за счет экстраординарных поступлений от осуждений откупщиков габеллы с ворот, занимавшихся контрабандой, поставщиков зерна, незаконно вывозящих его в гибеллинские города, как вознаграждения от коммуны Вольтерры за задержание давно разыскиваемых преступников, от загадочных поступлений, «обеспеченных моим нотарием-секретарем».

⁵⁹ *Ibid.* P. 55. Де Анджелис приводила случай Чонетто Бастари, который в 1412 г. разоблачил заговор Альберти, получив в вознаграждение пожизненное содержание от коммуны, позволяющее обеспечивать пять «копий» («копье» – боевая единица, обычно состоящая из трех человек) и много других привилегий.

ория не дала согласия на этот план, а Бонакcorso навлек на себя гнев правителя Лукки и по этой причине тайно возвращался во Флоренцию⁶⁰.

Он был не одинок в своей реализации поплзновений к произволу и единоличной власти, что иллюстрирует официальный документ 1461 г., содержащий жалобу консулов Барги на подеста Лоренцо Альтовити. Его обвиняли в том, что на рынке «он щипал зады ломбардских девушек», вступил в стычку с пытающимся защитить женщин капитаном стражи из Феррары⁶¹, который «едва не изрубил его в куски», приказав своим людям, если Лоренцо появится на охраняемой им территории, «хватать его и немедленно утопить с камнем на шее». Приоры Барги жаловались, что во Дворце Подеста он сутками играл на деньги в карты и кости «с дурными людьми», крича и богохульствуя, слонялся по селению с бандой вооруженных приспешников, «наполняя чрево и пьянствуя в домах горожан, пренебрегая прямыми обязанностями»⁶² и производя нелепые действия: приказал «то раскрывать, то закрывать Королевские Ворота, чтобы «ради удовольствия толкать женщин и мужчин на землю, чем вызвал в городе большой скандал». Подеста публично оскорблял почитаемых духовных лиц Барги: приходского священника, попытавшегося «мягко укорять Лоренцо за его пороки», гонял с «бандой своих вооруженных головорезов» по церкви, крича: «Вылезай ничтожный монах! Я знаю, что ты берсерк!»⁶³. По своему произволу Лоренцо изгнал из Барги, угрожая обезглавить его и «порезать на кусочки», «маэстро Бартоломео, врача на службе у Коммуны», за «дружеское порицание его поведения». Когда заканчивался срок его пребывания в должности, он довел население Барги до попытки восстания, начав по своему произволу раздавать земли коммуны своим приспешникам вопреки законам⁶⁴. Лоренцо дельи Альтовити по постановлению судебных властей Флоренции был оштрафован на 500 лир. Факт наказания нуждается в особом комментарии, поскольку во второй половине XIV–XV вв. действовала противоположная тенденция: Синьория защищала действия и честь своих представителей

⁶⁰ *Piummi*. 1972. С. 103.

⁶¹ Цитируемое письмо опубликовано на *volgare* в сб. *The Society*. 1971. С. 135.

⁶² *Ibid.* С. 135–136. Они утверждали, что он выгнал пожилых людей, пришедших искать правосудия согласно закону, заявив, что «не терпит каких-либо стариков, входящих в его дом».

⁶³ За произвол и издевательство над духовными лицами Лоренцо был отлучен от церкви епископом Лукки.

⁶⁴ *Ibid.* С. 137. Вооруженная толпа собралась на площади, но в этот момент новый подеста въезжал в Баргу и люди бросились к воротам, падали на колени и поднимали руки к небу. «Они благодарили Бога, что прислали нового подеста, чтобы принести мир и порядок в Баргу».

на местах. Основной реакцией на бесчисленные жалобы становились законодательные постановления, усиливающие контроль центра над должностными лицами доминиона; вводились нормы, которыми безуспешно пытались предотвратить причины недовольства населения подвластных территорий⁶⁵. Требуя повиновения, угрожая карательными мерами, центральные органы Флоренции нечасто производили расследования преступлений конкретных должностных лиц в контадо и обнародовали постановления об осуждении.

Итак, со второй половины XIV в. актуализировался образ ректора-флорентийца, избираемого управлять в подвластные Флоренции города и крепости, лишённые права призывать Подеста и других должностных лиц по своему волеизъявлению. Круг прав и обязанностей флорентийских администраторов был ограничен коммунальными статутами, ибо флорентийская синьория стремилась держать местное управление под строгим контролем⁶⁶. Точное исполнение ее инструкций и команд аннулировало нужду в нормативно-этических рекомендациях, поэтому учебники подеста ушли в прошлое. Но общество нуждалось в добросовестных, честных и деятельных исполнителях властных функций на подчиненных территориях, и ответом на эту потребность стали дискурсы об идеальном подеста, выразившиеся в нескольких формах – в виде устойчивых расхожих мифов, жизнеописаний конкретных лиц, прославляемых только за то, что они положительно зарекомендовали себя на младших, «внешних» должностях, и саморепрезентациях.

Устойчивые мифы складывались о Манно Донати, представляя его на посту иноземного ректора в мелких местечках контадо в гуще лиц из народа: «монашков», торговков, крестьян (*contadini*). Кавальканти изображал Манно Донати, как мудрого и справедливого подеста, умеющего быть великим и в малом, щедрым и великодушным по отношению к людям низкого положения. Ссылаясь на наблюдения очевидцев, хронист повествовал о том, как «монашек и торговка на рынке затеяли ссору из-за связки дроздов, которых монашек взял, не собираясь за них платить. В перебранку вмешался подеста, который сам заплатил за дроздов, оставил их монаху и ушел, говоря: «Я не хочу, чтобы думали, что я взял этих дроздов для собственного обжорства или из-за тщеславной помпы»⁶⁷. Тот

⁶⁵ *De Angelis*. 2009. P. 59–60. Ректорам и членам их фамилий запрещалось принимать деньги, а также принимать зерно и крупу для отсылки во Флоренцию. Действующие синьории разрабатывали все новые громоздкие регламенты, содержащие запреты и ограничения для должностных лиц.

⁶⁶ *Ibid.* P. 56.

⁶⁷ *Cavalcanti*. 1973. P. 211.

же Джованни Кавальканти свидетельствовал о щедрости и справедливости, которые являл на посту подеста в Прато Ринальдо ди Мазо Альбицци⁶⁸. Слухи о подобных эпизодах могли иметь место, поскольку Ринальдо отличался склонностью к демагогии и нередко публично позиционировал себя как защитника простого народа. Кавальканти прославлял отца и сына Альбицци явно в пику Медичи. Другим образцовым ректором у писателя выступал «благородный кавалер из фамилии Бостики, «правление коего было желанным для всех республик... настолько сияли его добродетели». В Перудже Бостики удалось обуздать банду, члены которой «по ночам убивали и сжигали людей невинных», политических противников своих покровителей. Схватив бандитов, подеста не поддался на уговоры «именитых граждан», хотя они принадлежали к политической группировке, призвавшей его в Перуджу. Вопреки законам города он совершил казнь преступников своей волей, а себя самого, согласно статуту, осудил на 3000 лир и тотчас же внес их в казну. Эта принципиальность так потрясла граждан Перуджи, что они отменили статут и вернули Бостики всю сумму. Кавальканти уподоблял его античному герою Марку Реоло⁶⁹. В этих моделях нашли свое отражение традиционные добродетели идеальных местных правителей: щедрость, великодушие, любовь к подданным, сочувствие нуждам бедных людей и защита их интересов, беспощадное правосудие по отношению к преступникам и к самому себе.

В процессе творения мифов об идеальном подеста артикулировался также сюжет о превосходстве светского правосудия над церковным и защите подданных от произвола церкви (подоплека заключалась в динамике отношений между коммуной и церковью в XIV в.⁷⁰). Этот вопрос

⁶⁸ Ibid. P. 166–167. Ринальдо Альбицци исполнял обязанности подеста в Прато в 1410 г. (Comissioni. 1867. P. 204). Кавальканти писал, что Ринальдо отправил в тюрьму за невыплаченный долг возчика из Прато. Выясняя, почему тот не возвратил деньги в уплату за двух мулов, подеста узнал, что ему не заплатил деньги Мазо дельи Альбицци, отец Ринальдо, которому были проданы животные. И Мазо по требованию своего сына уплатил необходимую сумму возчику. Кавальканти за такое решение дела уподоблял Ринальдо Альбицци благородному римлянину Порцию Катону, утверждая, что «Ринальдо имел природу скорее божественную, нежели смертную, поскольку человечность в нем равнялась справедливости его правосудия».

⁶⁹ Ibid. 1973. P. 146–147. Саккетти, восхваляя мудрого подеста Рубаконте да Манделло, утверждал, что «теперь награждают не за доблесть», а «из любезности или приязни» (*Sacchetti*. Нов. 196).

⁷⁰ *Green*. 1972. P. 47–50. С 30–40-х гг. начались постоянные споры между коммунальными структурами, с одной стороны, и церковными властями и авиньонским папством – с другой, по вопросу о подчинении флорентийского духовенства городской юрисдикции. Противостояние обострилось после 1343 г., когда значительную роль в коммунальном управлении стали играть члены средних и младших цехов,

занимал и Кавальканти: ему была посвящена еще одна новелла о Бостики⁷¹, а также история о Кардинале Ручеллаи (ум. в 1428): исполняя обязанности подеста в местечке Сан Кашано, он столкнулся со священником, «подобным более злобному разбойнику, чем набожному клирику», с которого Подеста неуклонно требовал уплаты многочисленных долгов жителям Сан Кашано. Кавальканти изобразил «злокозненного прелата», «нагло и с животной грубостью» настаивающего, чтобы его предоставили суду епископа. На что находчивый подеста заявил: «А я Кардинал!», и приказал бросить служителя церкви в тюрьму, а затем уплатить долг крестьянину⁷². В генеалогиях семьи Ручеллаи Л. Пассерини приводил этот анекдот, характеризуя Кардинале как «человека сметливого и остроумного в ответах». Он утверждал, что именно как подеста в Сан Кашано, он приобрел славу неподкупностью своего правосудия. Пассерини передавал анекдот почти в тех же словах, что и Кавальканти⁷³, возможно, оба пользовались одним источником или устной версией анекдота.

среди которых распространялись антиклерикальные настроения, возможно, не без влияния Fraticelli и других еретических сект. Ослабевало влияние гибеллинской угрозы, спланивавшей воедино папство и гвельфскую Флоренцию в их противостоянии Императорам и Милану. Воссоздание Патримония – сильного папского государства в Романье в конце 1350-х – первой половине 1360-х гг. шло вразрез с интересами Флоренции. Решительный удар по правам и привилегиям церкви, сопровождаемый секуляризацией церковных земель, был нанесен коммунаой в 1375–1378 гг., во время войны Флоренции с папским престолом (Peterson. 2002. P. 178).

⁷¹ *Cavalcanti*. 1973. P. 143–145. Когда Бостики был подеста в Камерино, некий «знаменитый прелат» поссорился с местным мясником, которому он не заплатил за мясо, поставляемое в течение года, и в порыве ярости убил мясника его же ножом, но был схвачен по распоряжению Подеста. Церковь, поддерживаемая синьором Камерино, потребовала от Бостики предоставить священника церковному суду по каноническому праву, и епископ приговорил убийцу к уплате в кассу синьора и епископа по 100 лир, но 1 год лишив его права произносить мессы. Кавальканти называл эту сентенцию «мерзким делом» и «несправедливым судом». Подеста предложил брату и сыну убитого мясника «осуществить их месть свободно», и на следующее утро они убили прелата тем же ножом и были схвачены стражей Подеста, а «священство в злобе» требовало самой жестокой кары. Хитроумный Бостики изрек: «Нам должно подчиняться клирикам в божественных предписаниях... поэтому той мерой, какую епископ отмерил брату, будет воздано и мясникам, то есть по 100 лир уплатят они в камеру синьора и епископа, и в течение года запрещается им резать мясо». По словам Кавальканти: «Столь справедливым судом был удовлетворен каждый».

⁷² *Ibid.* P. 167–168. Подобный сюжет встречается в новеллах Ф. Саккетти (Саккетти. 1962. Нов. 33).

⁷³ *Passerini*. 1866. P. 88–89. Биограф Л. Пассерини указывал, что Кардинале, избрался подеста в Винчи, Пистойю, Гангаланди и Сеттимо. Он подтверждал пост подеста в Сан Кашано в 1410 г.

Идеальный подеста мог стать героем жизнеописания, подобно Бартоломео Фортини, прославленному выдающимся биографом Веспасиано да Бистиччи не как дипломат или доблестный гонфалоньер справедливости, а в качестве подеста пограничного селения Борго ди Сан Сепольро⁷⁴, жители которого «оказались порочными и без достойных занятий». Приступив к полномочиям, Фортини прежде всего осуществил перепись населения, а затем, действуя методами убеждения, добился, чтобы поддомственные ему жители занялись производительным трудом – изготовлением шерсти, или «другими честными ремеслами», и вскоре «совсем изменил эту полную тяжб, игры и других пороков землю», и «совершил он свои благодеяния для этой земли с таким милосердием, что жителям казалось, будто сам Господь Бог к ним послан для всеобщего блага»⁷⁵.

Лоренцо Строщи в жизнеописаниях членов семьи приводил в пример Джованни (Нанни) Строщи⁷⁶, который служил маркизу Феррары с целью сделать все земли Луниджаны обитаемыми и безопасными, тогда как они к этому времени «напоминали пристанище разбойников», поскольку «в прошлом были разделены между многими мелкими синьорами, предоставлявшими убежище бандитам и убийцам». Лоренцо гордился тем, что в отличие от безуспешных попыток других правителей Феррары, лишь «старания и суровая отвага мессера Нанни позволили преобразовать эти земли: он умиротворил их так, что все могли безопасно проезжать через Луниджану, добавил и много других крепостей под власть синьора Феррары»⁷⁷. Отрицательные примеры флорентийцев-ректоров в подвластных коммуне городах в хрониках и мемориях встречаются реже, а осуждения их правления могут быть связаны с персональной партийно-политической ориентацией автора⁷⁸.

⁷⁴ «Земля, где постоянно шли войны, часто менялись статус и власти» (*Bisticci*. 1843. IV. P. 373-375).

⁷⁵ *Ibid.* P. 373-375.

⁷⁶ *Raveggi*. 2000. P. 622, 636. С. Раведжи относил фамилию Строщи к «новой знати», выдвинувшейся из пополанства. Франческо ди Палла деи Строщи, избирался на должность ректора 10 раз с 1332 по 1343 гг., шесть раз – вне государства.

⁷⁷ *Strozzi*. 1892. P. 53-54.

⁷⁸ *Compagni*. 1913. I. 25-26. С. 73–75. Хронист осуждал многих подеста Пистойи, представителей партии белых гвельфов, к которой принадлежал сам, возлагая на них вину за поражение 1301 года. С дурным правлением флорентийцев он связывал беззаконие и низкий нравственный уровень, царящие в Пистойе: «Пистойезцы... пребывали в больших смутах, убивая и оскорбляя один другого; правителями они часто были жестоко осуждаемы... потому что это позволяло вымогать из них большие деньги. Неудивительно, что пистойезцы были людьми грубыми, жестокими и несклонными к согласию... хотя они являлись создателями наилучших в Тоскане статутов, но, одичав, почти погубили свой город».

Желание позиционировать себя как идеального ректора выступало как форма саморепрезентации или представления потомкам образов выдающихся и достойных родственников в семейных книгах. И в этих случаях описания скорее представляли мифы о совершенном ректоре, но имели под собой некоторую основу в виде определенных результатов управленческой деятельности конкретных людей. Блестящий дипломат и военный Якопо Сальвиати, который всю жизнь занимался административной деятельностью в контадо, испытывал глубокое удовлетворение от того, что обитатели местечка Ангиари сохраняли добрую память о его правлении, а любовь, которую они к нему питали, по словам Якопо, изумляла его самого. Жители Пистойи, удовлетворенные его реформами, проголосовали за прибавку к жалованью и одарили его почестями к концу срока службы. Аретинцы презентовали ему сумку с 50 зол. флор.⁷⁹

В идеальных моделях, созданных к концу XIV–XV вв., нетрудно увидеть мотив «цивилизаторской» миссии флорентийских ректоров в землях, населенных грубыми, невежественными, полудикими, погрязшими в грехах и преступлениях людьми, которых посланцы флорентийской коммуны заносили в перепись, приобщали к честным ремеслам, неустанно борясь с пороками убеждением и личным примером. Образ нес в себе элементы определенной идеологической конструкции, порожденной потребностями формирующегося территориального государства. Этот идеологический концепт в историографии второй половины XX в. определялся, как «флорентийский империализм», обозначая политику республики по созданию государства, включающего всю Тоскану⁸⁰.

Граждане Флоренции, оценивая посты в контадо ниже должностей в палатто Синьории, использовали шансы, ими предоставляемые. Помимо легальной или незаконной наживы за счет обладания полномочиями, они реализовывали значительные властные амбиции и личностные качества, освобождаясь от разных форм коллегиального принуждения, ограничивающего проявления индивидуального начала в структурах города. Посты в контадо не исключали возможности приобретения авторитета и славы, увековечивания в памяти потомства.

Наиболее важные институты коммунальной власти становились объектом культурной рефлексии. Начало складывания института чужеземных подеста (конец XII – первая половина XIII в.) сопровождалось появлением «учебников подеста», определяемых М.С. Сапенью как один

⁷⁹ *Hurtubis*. 1985. P. 40–41.

⁸⁰ Этот термин использовали: *Rubinsein*. 1986. P. 16; *Luzzatti*. 1986. P. 181. *Becker*. 1979. P. 153, 180–182; *Conti*. 1981. P. LXVII–LXVIII, P. LXXII.

из первых видов политического трактата, отражающего специфику итальянского ареала, характеризующегося разнообразием политического опыта – и вплоть до появления идеологии гражданского гуманизма – «крайней скудостью произведений политической рефлексии»⁸¹.

Однако шкала идеальных параметров образа и поведения иноземного правителя спонтанно складывалась в жанрах так называемой «литературы второго плана», продуцируемых насущными чаяниями и устойчивыми настроениями, формирующимися в толще политической повседневности. В повторяющихся анекдотах и *exempla* о подеста, составляющих содержание городских новелл, в оценках и наставлениях семейных книг, в светских жизнеописаниях проступали, пусть неотчетливые, контуры образа идеального местного правителя – флорентийца, лишенные риторической оснастки, свойственной «учебникам подеста». Конструирование идеальной модели носителя местной власти вершилось из традиционных «блоков» рыцарских доблестей – верности и жертвенности служения (новеллы о Манно Донати) синьору или коммуне, а также из евангельских добродетелей правителя – защитника бедных от произвола богатых и знатных, щедрого и милосердного (цикл новелл о Донати, о Рубаконте да Манделло у Саккетти, о Мазо дельи Альбицци у Джованни Кавальканти).

Процесс превращения города-коммуны в территориальное государство (вторая половина XIV – XV вв.) добавил новые этические составляющие представлений об избранном коммунной флорентийском гражданине как образцовом носителе местной власти. На первый план выступала цивилизаторская миссия и гуманное управление без методов насилия и жестких наказаний, но путем выработки бесконечной цепи компромиссов, усиливающих централизаторскую политику республики, с одной стороны, и сохраняющих население контадо, с другой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции. Перевод, статья и примечания М.А. Юсима. М.: Наука, 1997.
- Краснова И.А. Дати // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1. М., РОССПЭН, 2007.
- Краснова И.А. Подеста и Приорат: образы восприятия верховной власти в обществе Флоренции конца XIII–XIV в. // Империи и этнонациональные государства в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2011.
- Питти Б. Хроника. Пер. с ит. З.В. Гуковской. Статьи и примечания М.А. Гуковского, В.И. Ругенбурга. Л., «Наука», 1972.
- Сакетти Ф. Новеллы. Пер. В.Ф. Шишмарева. Л.: «Наука», 1962.

⁸¹ *Sapegno*. 1982. P. 571.

- Селунская Н.А.* Право, Власть, Свобода в «Папских Землях» XIII–XIV вв. М.: ИВИ РАН, 2003.
- Artifoni E.* Tensioni sociali e istituzioni nel mondo comunale // La storia. I grandi problemi dal Medioevo al all' Età contemporanea. Vol. II. Il Medioevo. 2. Popoli e strutture politiche. Torino, 1986.
- Becker M.* Le trasformazioni della finanza e l' emergere dello stato territoriale a Firenze nel Trecento // La crisi degli ordinamenti e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979.
- Bisticci V.* Commentario della vita di messer Bartolommeo di Fortini // Archivio storico italiano. Firenze, 1843.
- Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. Pisa, 1974.
- Brucker G.* Florentine Politics and society. 1343–1378. Princeton, 1962.
- Cardini F.* L'autunno del medioevo fiorentino. Un "umanesimo cavalleresco"? // Mito e storia nella tradizione cavalleresca del Basso Medioevo. 2005, Spoleto.
- Cavalcanti G.* I storie fiorentine / A cura di F. Polidori. T. I. Firenze, 1838.
- Cavalcanti G.* Il Trattato politico morale // M. Grendler. The «Trattato politico morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
- Comissioni di Rinaldo degli Albizzi* per il Comune di Firenze. Vol. I. Firenze, 1867.
- Compagni D.* La cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi con prefazione di I. del Lungo. Milano, 1913.
- Conti E.* La «Florentina Libertas» nelle «Consulte» del 1401 // Le «Consulte» e «Pratiche» della repubblica fiorentina nel Quattrocento. Pisa, 1981.
- De Angelis L.* La repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. Istituzioni e lotte politiche nel nascente stato territoriale fiorentino. Firenze, 2009.
- Dati G.* Il libro segreto. A cura di C. Gargioli. Bologna, 1869.
- Della Tosa S.* Annali di Simone della Tosa // Cronichette antiche di vari scrittori. Firenze, 1733.
- Gagliardi I.* Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici // Cavalieri e città. A cura di Franco Cardini, Isabella Gagliardi, Giuseppe Ligato. (Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19–21 giugno 2008). Pisa, 2009.
- Green L.* Chronicle into history. Cambridge, 1972.
- Gualtieri P.* Il Comune di Firenze tra Due e Trecento. Partecipazione politica e assetti istituzionale. Firenze, 2009.
- Hurtubis P.* Une famille-temoin. Les Salviati. Città di Vaticano, 1985.
- Jones P.* Comuni e Signorie: la città-stato nell' Italia del tardo Medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979.
- Latini B.* Li livres dou Tresor de Brunetto Latini. Berkeley. Los Angeles. 1948.
- Lenzi D.* Il Libro del Biadaiole // Pinto G. Il libro del Biadaiole: Carestie e annona a Firenze della meta dal' 200 al 1348. Firenze, 1978.
- Luzzatti M.* Firenze e la Toscana nel medioevo: Seicento anni per la costruzione. Torino, 1986.
- Monti A.* Les chroniques Florentines de la premiere revolté populaire à la fin de la Comune (1345–1434). Lille, 1983.
- Morelli G.* Ricordi. A cura di V. Branca. Firenze, 1956.
- Passerini L.* Genealogia e storia della famiglia Rucellai. Firenze, 1866.
- Peterson D. S.* The War of the Eight saints in Florentine Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence / Ed. by W.J. Connell. Berkeley etc., 2002.

- I podestà dell'Italia comunale. Parte 1. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.) / A cura di J.-C. Maire Vigueur. Vol. 1. Roma, 2000.
- Raveggi S.* I rettori fiorentini // I podestà dell'Italia comunale. Parte 1. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.). A cura di J.-C. Maire Vigueur. Vol. I. Roma, 2000.
- Rubinstein N.* Florentina Libertas // Rinascimento. Firenze, 1986.
- Sapegno M. S.* Il trattato politico e utopico. Retorica e cronaca // Letteratura italiana. Vol. III. Parte II. Le forme del testo. La prosa. A cura di Asor Rosa. Torino, 1982.
- Sestan E.* L'origine del podestà fiorentino nei comuni toscani // Scritti vari. II – Italia comunale e signorile. Firenze, 1989.
- The Society of Renaissance Florence / Ed. by G. Brucker. N.Y.; San Francisco; L., 1971.
- Stefani M.* Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani / Cur. di N. Rodolico // Rerum italicarum scriptores. Città di Castello. 1903-1913. T. XXX.
- Strozzi L.* Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi / A cura di De Salvatore Landi. Firenze, 1892.
- Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370 / A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914.
- Villani F.* Le vite d' uomini illustri fiorentini scritte de Filippo Villani colle annotazioni del conte Giammaria Mazzuchelli. Firenze, 1826.
- Villani M.* Cronica di Matteo Villani. Firenze, 1826. T. 2.
- Viterbo Giovanni da.* Liber de regimine civitatum. A cura di G. Salvemini // Bibliotheca juridica medii aevi / A cura di A. Gaudenzi. III. Bologna. 1901.
- Zorzi A.* Giustizia e società a Firenze in età comunale: spunti per una prima riflessione // Ricerche storiche. XVIII, 1988.
- Zorzi A.* I Rettori di Firenze. Reclutamento, flussi, scambi (1193–1313) // I podestà dell'Italia comunale. Parte 1. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.) / A cura di J.-C. Maire Vigueur. Vol. 1. Roma, 2000.

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета; gorward@mail.ru